

Гурген Ованн

Н. А. Добролюбов и армянская литературно-общественная мысль XIX века

Жизнь и деятельность великого русского революционного демократа Николая Александровича Добролюбова являет собой величайший пример беззаветного служения родине. Его бессмертные труды по вопросам литературы, искусства, истории, философии, педагогики, его гениальная публицистика оставили неизгладимый след в истории развития общественной мысли народов России, в том числе и в армянской литературе и культуре второй половины XIX века. Русские революционные демократы — Белинский, Чернышевский, Добролюбов — были истинными учителями армянской передовой интеллигенции.

Известный армянский поэт 60-х годов прошлого века Смбат Шахазиз в одном из своих писем сообщает следующие чрезвычайно интересные сведения о воздействии русских шестидесятников не только на его творчество, но и на все его поколение. «Нечего и говорить,— пишет Шахазиз,— что на меня, как и на все мое поколение, оказали сильное воздействие эпоха реформ и ее отражение в русской умственной жизни... В товарищеском кругу я принадлежал к числу тех молодых людей, которые всего усерднее следили тогда за русскими журналами, например, за «Современником», и затрагивавшимися в них вопросами... Из «Современника» за 1859 г. взят эпиграф к одной из песен «Скорби Левона». Прочитанное мною стихотворение Добролюбова «Милый друг, я умираю» внушило мне идею собственного стихотворения, которое у меня начинается почти также, но носит уже другой характер, имеет непосредственное отношение к судьбе армян»¹.

Упоминание о «Современнике» здесь не случайно. Этот журнал сыграл исключительную роль в истории развития армянской демократической журналистики. Для национальной печати многих народов он являл собой яркий пример боевой революционно-демократической мысли. И совершенно закономерно, что на этот журнал неоднократно ссылались и украинские, и грузинские, и армянские шестидесятники.

Смбат Шахазиз был первым из армянских писателей, упоминавших имя Добролюбова: он же был и первым переводчиком его стихотворений.

Еще в 1864 году он перевел стихотворение Добролюбова «Милый друг, я умираю». Шахазиз настолько был увлечен идеей этого стихотво-

¹ Ю. Веселовский, Русское влияние в современной армянской литературе, М., 1909, стр. 14—15.

рения, что расширил добролюбовский текст и получилось новое патристическое произведение. В стихотворении Добролюбова было два четверостишия, у Шахазиза оказалось их семь. Для того чтобы лучше представить, как творчески осмыслил Шахазиз это произведение, мы приводим оригинал и подстрочный перевод армянского текста:

У Добролюбова:

Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен;
Но зато родному краю
Верно буду я известен.

Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею!

У Шахазиза:

Честный друг, не забудь —
Верной, горячей любовью
Я любил мою родину,
Иди и ты по той же стезе.

Мой друг, смерть моя близка,
Но спокоен я душой;
Потому что совесть моя чиста,
Истиной защищенная.

(Подстрочный перевод)

В последующих строфах Шахазиз рисует невыносимо тяжелое положение своей родины. Он взывает к героическим образам прошлого — полководцу Вардану Мамиконяну с его славными храбрцами, и выражает уверенность в том, что над родной землей засверкает «новое солнце».

Это стихотворение Шахазиза, переложенное на музыку, стало одной из любимых песен армянского народа. Стихотворение Добролюбова послужило творческим импульсом и для другого крупного армянского поэта — И. Иоаннисяна, написавшего под его впечатлением стихотворение «Смерть воина»:

Я умираю, о родина-мать,
Алой кровью бесстрашной груди моей
Святую землю твою окрасив. И пусть сыны твои
Не оплакивают моей смерти, так как на том месте,
Где пролилась кровь храброго воина,
Вырастут не сорняк и бурьян, а красные розы,—

И из этих роз будут сплетены гирлянды,
Которые увенчают благородное чело погибших...
(Подстрочный перевод)

Стихотворение Добролюбова «Милый друг, я умираю» было широко распространено не только в армянской, но и в других литературах. Оно пробуждало патриотические чувства, новые настроения среди писателей угнетенных народов.

Под влиянием произведений Добролюбова, посвященных итальянскому освободительному движению, С. Шахазиз написал стихотворение «Итальянки и итальянцы», проникнутое патриотизмом, готовностью пожертвовать жизнью во имя свободы и независимости родины.

В те же 60-е годы были переведены на армянский язык как литературно-критические, так и политические и исторические труды Добролюбова. Журнал «Айкакан ашхар» («Армянский мир») в нескольких номерах напечатал известную статью Добролюбова «Отец Александр Гавацци и его проповеди», посвященную итальянскому освободительному движению.

Немалый интерес представляет вопрос о том, кто же был первым переводчиком критических и публицистических произведений Добролюбова. Первым переводчиком был студент Московского университета Филипп Варданян, — и это не случайно. Армянская учащаяся молодежь 50—60-х годов прошлого века находилась в тесном общении с русским студенчеством в университетах Москвы и Петербурга, живо интересовалась нарастающим революционным движением, внимательно следила за всеми появлявшимися в печати статьями Белинского, Чернышевского, Герцена и Добролюбова, увлекалась стихотворениями Некрасова. Идеи русской революционной демократии звучали для нее набатом, призывавшим к борьбе за свободу, за угнетенный родной народ.

Первый переводчик Добролюбова — Филипп Варданян — студент юридического факультета Московского университета, впоследствии стал известен как переводчик и педагог. Он был ближайшим другом поэта В. Плещеева, который и способствовал его ознакомлению с деятельностью русских революционных демократов. Вспоминая о своих встречах и беседах с Плещеевым, Ф. Варданян писал: «В годы ссылки отстраненный от общественной деятельности поэт выражал скорее свою внутреннюю печаль, нежели являлся руководителем нового движения. Однако он не был певцом, оторванным от реальной жизни и наблюдавшим безразличным взором за совершавшимися событиями. Наоборот, как честный патриот он горячо интересовался политической и умственной жизнью России, от души сочувствовал ей и с любовью изучал каждый ее шаг. Он лично был знаком с деятелями того времени, со многими из них находился в дружеских отношениях. Естественно, что, прогуливаясь со мной в лесной глуши, или в ночной тишине по заснувшей деревне, он охотно рассказывал мне все, что знал о них, поскольку собеседник его был не равнодушным слушателем, а горячим поклонником этих деятелей. Да, — студенчество в наше время не только читало Белинского, Герцена, Чернышевского, До-

бродюбова, Тургенева, Некрасова, но и любило их, преклонялось перед ними! Что именно рассказывал мне о них Плещеев, я написать не могу, скажу лишь, что с какой жадностью я слушал его, с таким же интересом хотел он ознакомиться с прошлым и настоящим положением нашей нации. Плещееву, дважды вызванному в связи с судом над Чернышевским в Петербург, где в это время находился под стражей наш безвременно погибший Н*, представился случай кое-что услышать о нем; сам он отзывался о нашем публицисте с высокой похвалой. В связи с этим я также рассказал о подробностях ареста, который имел место на моих глазах в Ново-Нахичеване².

А. Плещеев был, как известно, тесно связан с Чернышевским, Добролюбовым и Салтыковым-Щедриным, которые в свою очередь очень тепло отзывались о его поэзии. Поэтому воспоминания Ф. Варданяна представляют особый интерес, хотя он, по совершенно понятным для того времени соображениям, предупреждал, что он не может повторить все то, что рассказывал ему Плещеев о Белинском, Чернышевском и других революционных демократах. Однако и то, что было им сказано, проливает свет на некоторые вопросы общественной жизни шестидесятых годов.

Таким образом, существовал непосредственный контакт между поэтом, испытавшим на себе все ужасы тюрьмы и ссылки, бывшим в свое время сотрудником «Современника» и «Отечественных записок», и одним из представителей армянской демократической мысли. Весьма знаменательно, что первый переводчик Добролюбова был другом Плещеева. Ф. Варданян свидетельствует, что Плещеев не только знал Налбандяна, но и высоко ценил его. Это означает, что Налбандян был известен не только зарубежным деятелям русского революционного движения — Герцену, Огареву и их товарищам, но и пользовался популярностью в демократических кругах самой России.

Характерно, что Ф. Варданян избрал для своего перевода именно работу Добролюбова «Отец Александр Гавацци и его проповеди». Александр Гавацци был одним из соратников Джузеппе Гарибальди и активным участником итальянского освободительного движения. В своей статье Добролюбов с восхищением пишет о национально-освободительной борьбе итальянского народа, возглавленной Гарибальди и его сподвижниками. Патриотические речи Гавацци, его ненависть к иноземным захватчикам, сопротивление реакционным силам, разоблачение католического обскурантизма, умение поднять народ на борьбу, — все это имело актуальное значение и для России, а тем более для обездоленных царством народов, входивших в ее состав. Для армянского народа, на протяжении многих веков боровшегося за свою свободу и независимость, статья Добролюбова имела значение политической программы; особенно горячо была она встречена западными армянами, которые изнемогали в борьбе с турецким деспотизмом. Вот почему именно этой статьей откры-

* Речь идет о М. Налбандяне.

² Газ. «Արձաշխարհ» («Ардзаяганк»), 1893, № 129.

вался очередной номер журнала «Айкакан ашхар» («Армянский мир»), издававшегося в шестидесятые годы.

Этот журнал, на страницах которого ранее печатались статьи Белинского, стихотворения Некрасова, Огарева и Михайлова, в 1868—1869 гг. напечатал вторую обширную работу Добролюбова — «О значении авторитета в воспитании». В этой статье Добролюбов с позиций материализма рассматривал животрепещущие проблемы педагогики, уделяя особое внимание вопросам воспитания. Перевод этой статьи был важным вкладом в армянскую педагогическую мысль и стал сильным оружием в руках прогрессивных армянских педагогов в их борьбе с проповедниками клерикально-реакционного воспитания.

Статья Добролюбова явилась ответом на многие вопросы, остро волновавшие армянскую общественность и, в особенности, широкие круги педагогов. Это было разрушением реакционных, догматических, давно устаревших методов преподавания. В статье поднимались вопросы, которые имели актуальное политическое значение, служили предметом оживленных споров, поводом для резкого конфликта старого с новым. Армянские школы в эти годы все еще находились в ведении церкви, в них царили застои и реакционные принципы преподавания. Это непосредственно в их адрес со страниц «Айкакан ашхар» звучали слова Добролюбова: «Главные и высшие основы нашего воспитания находятся в совершенном разладе с господствующим направлением общества. Из этого выходит, что, окончивая курс воспитания и вступая в общество, мы находим себя в необходимости *или* отречься от всего, чему нас учили, чтобы подделаться к обществу, *или* следовать своим правилам и убеждениям, становясь таким образом противниками общественного направления. Но жертвовать святыми, высшими убеждениями для житейских расчетов — **слишком** безнравственно и отвратительно; а идти против неправды — где же взять сил на это? К такой борьбе с ложным направлением общества воспитание совсем не готовит нас. Оно даже совсем не заботится о том, чтобы вкоренить в нас высшие человеческие убеждения; оно хлопочет только о том, чтобы сделать нас учеными, юристами, врачами, солдатами и т. п. Между тем, вступая в жизнь, человек хочет иметь какое-нибудь убеждение, хочет определить, что он такое, какая его цель и назначение. Вматриваясь в себя, он находит уже готовое решение этих вопросов, данное воспитанием, а присматриваясь к обществу, видит в нем стремления, совершенно противоположные этим решениям. Он хочет бороться со злом и ложью, но здесь-то и оказывается вся несостоятельность его прежнего воспитания: он не подготовлен к борьбе, он для того должен сначала перевоспитать себя, чтобы выйти на арену бойца...»³.

Добролюбов ясно и определенно отмечает, что молодое поколение должно быть свободно от каких бы то ни было предрассудков, что его

³ «Հայկական աշխարհ» («Айкакан ашхар»), 1868, № 9 (Русский текст см. Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в трех томах), т. I, стр. 171.

необходимо подготовить к жизненной борьбе. Статья Добролюбова была могучим оружием в руках передовых армянских педагогов, укрепляла их стремление отвергнуть религиозно-реакционные принципы воспитания, способствовала их упорному желанию перевести на новый путь трудное педагогическое дело. Весьма знаменательно, что переводчик этой статьи, бывший студент Петербургского университета Левон Тусикян, дополняет перевод своими комментариями, в которых мы находим критические суждения, с позиций Добролюбова, в адрес армянских педагогов-реакционеров. Несомненно, что будущим историком армянской педагогики будет отмечена та исключительная роль, которую сыграла статья Добролюбова в армянской действительности шестидесятых годов.

В 70—80-х гг. имя Добролюбова уже завоевало известность в кругах армянской интеллигенции. Вопреки всем рогаткам, расставленным царской цензурой, имена Добролюбова и Чернышевского проникали на страницы армянской прессы. Армянские писатели не только читали и изучали произведения Добролюбова, но и цитировали их как непревзойденные образцы критической мысли. Мастера армянской сцены во время постановок пьес Островского интерпретировали их, опираясь на статьи Добролюбова. В дошедших до нас работах об армянском театре, а также в мемуарах, мы сплошь и рядом встречаем ссылки на статьи Добролюбова («Темное царство», «Луч света в темном царстве»), многочисленные цитаты из сочинений великого революционера-демократа.

Мировоззрение великого армянского революционного демократа Микаэла Налбандяна сформировалось и закалилось на благодатной почве русского освободительного движения. Налбандян был известен, притом не только в армянских кругах, но и в России, как боевой соратник Чернышевского и Добролюбова, пылкий пропагандист их революционных идей. Он всецело разделял взгляды Чернышевского и Добролюбова в вопросах философии, литературы и искусства. Говоря об общественной роли и значении литературы, Налбандян широко использовал публицистические высказывания Добролюбова. Газета «Обзор» (издававшаяся в Тифлисе на русском языке), касаясь деятельности журнала «Юсисапайл» («Северное сияние»), в 1878 г. писала: «Нельзя не упомянуть здесь об одном из его талантливых и дельных сотрудников, о покойном Налбандяне, этом армянском Добролюбове; произведения его бойкого пера читались раньше всех статей «Северного сияния»⁴.

Эти строки весьма любопытны и многозначительны. Они говорят о том, что Налбандян был известен в передовых кругах русского общества, которые видели в его лице «армянского Добролюбова».

Великий армянский романист Раффи неоднократно отмечал благотворное влияние русской и, в особенности, русской революционно-демократической литературы на литературу армянскую. «Неоспоримо, — писал он, — что в нашем духовном развитии имеется внутренняя связь с

⁴ Газ. «Обзор», 1878, № 207.

хотворения Некрасова, которые открыли перед ним новый мир. Особенно сильно, неизгладимое впечатление произвело на него стихотворение «Памяти Добролюбова». Это стихотворение Адамян перевел во время пребывания в Таганроге в 1885 году и здесь же читал свой перевод на армянских литературно-художественных вечерах.

Перевод этот — один из наиболее удачных, очень близок к оригиналу, хорошо передает настроение поэта. Лишь одна строка в нем подверглась изменению: там, где Некрасов говорит:

«Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами...»

у Адамяна мы читаем:

«Плачь, Армения! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами...»

Замена в стихотворении слов «Плачь, русская земля» словами «Плачь, Армения» означала, по-видимому, желание Адамяна подчеркнуть, что смерть Добролюбова была величайшей потерей не только для русского, но и для армянского народа.

В 80-е годы — в то время как реакция перешла в наступление, когда закрывались армянские школы и разрушались очаги армянской культуры, перевод Адамяна был целым событием: он был нацелен прямо в лицо этой реакции, одновременно выражал горячую любовь армянского народа к великому русскому критику.

Помимо литературно-критических статей Добролюбова армянские читатели были знакомы и с его поэзией.

Поэт-переводчик Н. Тер-Аветикян, воспитанный на лучших реалистических традициях русской литературы, перевел, кроме произведений Пушкина и Лермонтова, также одно из лучших стихотворений Добролюбова — «Соловей» и в 1881 г. включил его в свой поэтический сборник «Кнар Хоснак».

К сожалению, далеко не все переводы произведений Добролюбова удавалось публиковать. Царская цензура всемерно препятствовала появлению на армянском языке произведений русских революционных демократов, в том числе и Добролюбова. Так, в 1890 г. писатель-переводчик Г. Мкртумян перевел на армянский язык стихотворение Добролюбова «Жалоба ребенка». Перевод был набран, но цензура запретила его печатание. Церберы Кавказского цензурного комитета иначе поступить не могли. Это стихотворение Добролюбова, преисполненное социального протеста и свободолюбия, пользовалось большим успехом и было широко известно. Еще в 70—80-е гг. оно было переведено на многие языки.

Армянский читатель знал не только Добролюбова-критика, но и Добролюбова-поэта, который оказал значительное влияние на развитие политической поэзии народов России.

В 1902 году тот же Геворк Мкртумян издал в Петербурге отдельной книгой свой перевод сочинения Добролюбова «Отец Александр Гавацци и его проповеди». Этот новый перевод, по сравнению с переводом 1867 года, был значительно полнее, — переводчику удалось восстановить цензорские и редакторские купюры. Высокое мастерство переводчика способствовало ясной и полноценной передаче мыслей Добролюбова.

Неодинаковы были и условия и среда, в которых воспитывалась армянская молодежь на Кавказе и Западной Армении, в частности в Константинополе. Касаясь этого вопроса, кавказский корреспондент марсельской газеты «Армения» писал в 80-х годах, что в отношении прогрессивного воспитания кавказская молодежь находится в несравненно более благоприятных условиях. «Я это объясняю, — читаем в статье, — влиянием русских революционеров и их первоклассных писателей-шестидесятников. И, наконец, человеку, который прочел сочинения бессмертных Чернышевского, Добролюбова, Белинского и им подобных деятелей, трудно не стать приверженцем революционных идей»⁷.

Эти строки являются блестящим подтверждением того решающего влияния, какое оказывали Белинский, Чернышевский, Добролюбов на кавказскую молодежь, вдохновляя ее на революционную борьбу с царским деспотизмом.

Перу известного армянского публициста Григора Арцруни принадлежит ряд ценных статей о русской классической литературе и таких ее корифеях, как Тургенев, Гончаров и Салтыков-Щедрин. В одной из своих статей, написанных в начале 1890 года, Гр. Арцруни, говоря о значении литературных дискуссий, писал: «Знаменательно, что наиболее блестящие представители русской литературы, такие как Белинский, Добролюбов и другие, именно в пылу полемики оттачивали свои мысли, формулировали свои самые знаменательные принципы»⁸.

Переводчик и литературный критик Ерванд Газарян в своих статьях о русской литературе неоднократно обращался к произведениям Добролюбова, отмечал их исключительную роль и значение в развитии армянской общественной жизни и литературы. «Того уважения и той любви, — писал Газарян, — которые я уже давно питаю к именам Писарева, Добролюбова и Налбандяна, я никогда не испытывал в отношении самых высоких европейских авторитетов. Это обусловлено тем, что эти близкие моему сердцу авторы были моими первыми учителями, которые покорили, заплотонили мое юношеское воображение и мои чувства»⁹.

Добролюбов глубоко волновал Газаряна не только своими возвышенными идеями, но и своим моральным обликом, своей идейной последовательностью и самоотверженностью, богатым умственным и духовным миром. Добролюбов являл для него идеал гражданина, писателя и общественного деятеля. В одной из своих статей Газарян писал: «И до сих пор,

⁷ «Արմենիա» («Армения»), 1886, № 97.

⁸ «Մշակ» («Мшак»), 1890, № 16.

⁹ Жур. «Մուրճ» («Мурч»), 1894, № 10.

когда я думаю о чьей-нибудь общественной деятельности, мне приходит на память знаменитое стихотворение русского поэта — «Памяти Добролюбова».

Суров ты был,— ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять,
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал,— ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял...

Конечно, Добролюбов морально был исполином, и деятельность его не может служить обязательной нормой для каждого. Да, следовать подобному примеру для нас, простых смертных, конечно, не по силам, я имею в виду идеи и понятия. Мы так же, как и он, понимаем честность; по нашему мнению, не может быть честен тот, у кого мысли расходятся с делом, кто не стремится осуществить в жизни свои выстраданные и любимые идеи¹⁰.

Статьи Добролюбова способствовали усилению внимания к переводам русской классической литературы и ее широкому распространению. Под влиянием этих статей переводились пьесы Островского, романы Тургенева, сказки Салтыкова-Щедрина и многие другие значительные произведения русской литературы. Сам Ерванд Газарян, например, в 80-х годах, перевел роман Тургенева «Накануне». В сообщениях печати об этом переводе указывалось, что переводчик надеется вскоре опубликовать его¹¹.

Как известно, Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?» останавливается на «идеях и задачах», которые глубоко волновали и армянскую интеллигенцию. Герой тургеневского романа Инсаров — образ человека, призывающего к освобождению угнетенной родины. О его патриотизме Добролюбов писал: «Любовь к свободе родины у Инсарова не в рассудке, не в сердце, не в воображении: она у него во всем организме, и что бы не вошло в него, все претворяется силами этого чувства, подчиняется ему, сливается с ним»¹².

Инсаров — образ незабываемый, и его обаяние, как отмечает Добролюбов, «заключается в величии и святости той идеи, которой проникнуто все его существо»¹³.

¹⁰ «Мурч», 1888, № 2—3.

¹¹ «Мшак», 1888, № 50.

¹² Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 3, М., 1952, стр. 48

¹³ Там же, стр. 52.

Инсаров — болгарин, но он мог бы быть и сербом, итальянцем, он легко мог бы быть и армянином. «Болгария порабощена, она страдает под турецким игом» — пишет Добролюбов. В таком же положении находилась и Западная Армения. Вот почему эта статья Добролюбова нашла такой широкий отклик в армянской действительности и особенно среди молодежи, которая почти наизусть знала ее.

Видимо, все это и имелось в виду, редакционная комиссия Армянского издательского общества в Тифлисе на чрезвычайном заседании 11 июня 1896 года постановила издать отдельной книжкой статью Добролюбова «Когда же придет настоящий день?». Перевод статьи был поручен литературоведу Ерванду Шахазизу, который охотно принял это предложение. Однако условия, которые были поставлены перед переводчиком, не только не способствовали осуществлению перевода, но, напротив, выглядели больше чем странно. В письме, адресованном издательству (30 января 1897 года), Шахазиз, касаясь ряда вопросов, связанных с трудностями перевода, в заключение останавливается на очень существенном и важном в политическом отношении вопросе. Он пишет: «Да будет мне позволено сказать, что принятые в Обществе правила, согласно которым работа оплачивается только после того, как перевод пройдет сквозь критическое горнило редакционной комиссии и будет допущен к печати цензурной инстанцией, не столь уж справедливы. Очевидно, что требуется обсуждение работы со стороны редакционной комиссии, однако то, что оплата зависит от разрешения цензурной инстанции, — это уж никак не понятно... Вы возможно возразите, что в нынешних наших условиях трудно решить, что будет допущено к печати, а что нет. Это верно, но ведь в большинстве случаев это все-таки можно предвидеть. Взять хотя бы к примеру статью, порученную мне перевести. Я должен был проделать работу над переводом, и в конце концов получить лишь треть гонорара, и то в том случае, если перевод будет принят редакционной комиссией, потому что, по всей видимости, цензор не дозволил бы печатать статью автора, который долгое время был совершенно запрещен, да и сейчас еще не допускается в народные читальни и школьные библиотеки и, наконец, в творчестве которого очевидна определенная тенденция»¹⁴.

Это письмо Шахазиза свидетельствует о том, что политическая ситуация того времени фактически исключала издание на армянском языке произведений не только Добролюбова, но и других русских революционных демократов.

Характерно, что в период, когда Ширванзаде знакомился с произведениями Чернышевского и Добролюбова, он переводил Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Нам представляется вполне вероятным, что именно изучение творчества Добролюбова и навело Ширванзаде на мысль о необходимости перевести пьесу Островского «Гроза». Армянская критика уже в 80—90-е гг. отмечала, что мысли, изложенные в статье «Луч света в темном царстве», зазвучали и в «Намус» Ширванзаде, что Катерина и Сусан-

¹⁴ Центр. гос. исторический архив АрмССР, ф. 30, д. 14, лл. 68—69.

на — жертвы все того же «темного царства». Эта мысль столь крепко укоренилась в литературных кругах и получила такое широкое распространение, что проникла даже в зарубежную печать. Так, например, в статье Жюли Влатан «Положение женщины в Америке», опубликованной во французской газете «Le front» («Фронт») в 1900 году, мы читаем: «В критической статье об авторе «Намус» подчеркивается, что Сусанну называют «лучом света в темном царстве»¹⁵.

Известный публицист и редактор одного из лучших армянских журналов «Мурч» («Молот») — Аветик Арасханян был убежденным пропагандистом идей русских шестидесятников. Его статья, написанная в связи со смертью Чернышевского, является блестящим примером глубокого и правильного понимания той исключительной роли, которую призваны были сыграть русские революционные демократы в общественно-политической жизни угнетенных народов.

В одной из своих статей, говоря о русской литературной критике и сравнивая ее с критикой европейской, А. Арасханян писал: «Литературные критики Европы — и даже наигениальнейшие из них, — далеко не играют той роли в жизни подрастающего поколения в современной действительности вообще, какую, например, играли в России хотя бы Белинский, или Добролюбов, или Писарев, — бывшие глашатаями умственной жизни своей эпохи (*portes-parole*). И в то время как молодое поколение в Западной Европе ждало новых произведений, например, от Ренана или историка Мишеле, биолога Дарвина, социолога Спенсера, философа Дж. Ст. Тилля и многих, многих других, — в то же самое время молодое поколение в России с нетерпением ждало появления каждой новой статьи Добролюбова или Писарева и их коллег»¹⁶.

Во второй половине XIX века революционная мысль постепенно перекочевала из Европы в Россию. Значительную роль в этом отношении сыграли русские революционные демократы, пролагавшие своей деятельностью широкий путь для неуклонного повышения политического и революционного самосознания народа. Вот почему армянская демократическая интеллигенция, которая была глубоко озабочена судьбой своего народа, искала ответа на вопрос о путях его освобождения в передовой русской философии, социологии и публицистике. Чернышевский и Добролюбов одними из первых указали армянским революционным демократам пути освобождения, — вот почему с такой исключительной любовью относилась к ним передовая армянская общественность.

Армянский пролетарский поэт Акоп Акопян, народный артист Григор Аветян, писатель-демократ Аршак Агапян отмечают в своих автобиографиях, статьях и письмах, что еще в 80-х годах они читали и пропагандировали произведения Добролюбова, Белинского и Чернышевского.

Статья Аршака Агапяна, посвященная памяти Добролюбова, убедительно свидетельствует о том, что армянская демократическая интелли-

¹⁵ См. армянский перевод этой статьи в лондонской газете «Нор Кянк» («Новая жизнь»), за 1900 г., № 24, 25, 26.

¹⁶ «Мурч», 1897, № 10

генция хорошо знала, внимательно изучала произведения Добролюбова и высоко оценивала его роль в общественной и политической жизни народов России.

Изложив биографию Добролюбова, Агапян делает попытку раскрыть характерные черты его творчества, показать величие одного из лучших представителей русской революционной демократии. Он писал: «Действительно, какая же сила была заложена в этом необычайном юноше, сила, которая подняла его на такую высоту, что все были зачарованы им, благоговели перед ним! Эта сила заключалась в том, что он, как никто другой, умел забывать свое «я», что он, как никто другой, умел самоотверженно отдаться исцелению скорбных язв своей священной отчизны. Беззаветная любовь к родине одарила его такой энергией, таким талантом и таким пламенным языком, что взгляды всех невольно обращались к нему...»¹⁷.

Эту замечательную статью Агапян заканчивает следующими словами: «Под влиянием этого бессмертного юноши выросли на славу России целые поколения. Обыкновенно с именем великих писателей связаны мощные порывы, мысли и воображения. Добролюбов, будучи явлением исключительным, порождает в нашей душе чувство глубокой, нежной любви. Многие из его статей напоены кровью сердца, исполненного безмерной любви к своей родине»¹⁸.

Агапян был хорошо осведомлен о событиях русской жизни шестидесятых годов и это помогло ему правильно ориентироваться в общественной обстановке и политических течениях. Развитие и идейное формирование Добролюбова он связывает с ходом русской жизни и непосредственно с той ситуацией, которая сложилась после Крымской войны. В России, утверждал армянский писатель, мыслящей части общества стало совершенно ясно, какую гноящую язву натерли кандалы рабства, сковывающие все крестьянство России. Особую роль в росте политического самосознания сыграли, с точки зрения Агапяна, такие замечательные писатели, как Гончаров, Островский, Щедрин, Чернышевский, Тургенев и Кольцов. «И среди этих блистательных звезд, — продолжал он, — наиболее яркая и сверкающая — это бессмертный Добролюбов, крупный критик, замечательный преемник Белинского»¹⁹.

Агапян знал, что армянская молодежь зачитывалась сочинениями Добролюбова. Поэтому и уделяет он особое внимание той роли, которую должны были сыграть эти сочинения в жизни и будущем молодого поколения. Несомненно, что статья Агапяна, в свою очередь, оказала большое влияние на передовую армянскую общественность. Она не только популяризировала Добролюбова-критика, но и пропагандировала идеи русской революционной демократии, воспитывала на этих идеях армянское юношество.

¹⁷ «Երևան-Պարս» (с Нор-Дар) 1. 01 № 177.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Армянская печать не преминула сказать свое горячее слово о Добролюбове, отметить его огромное влияние на молодое поколение, на армянскую общественную мысль. К 40-летию со дня смерти Добролюбова газета «Мшак» напечатала статью без подписи, в которой содержатся весьма ценные сведения о силе воздействия Добролюбова на армянскую литературу: «Шестидесятые годы имеют великое значение для нас, армян. Это было время, когда передовая русская интеллигенция подняла знамя свободы человечества. Это высокоиндейное движение воспитывало и вдохновляло и тех армянских юношей, которые сыграли столь выдающуюся роль в нашей литературной и общественной жизни. Добролюбов был сияющей звездой этого незабвенного периода. Удивительный был талант! Он умер в возрасте 25 лет, проработав на поприще литературном всего-навсего три года». Такое глубокое влияние оказывал он не только на современников, но и на последующие поколения! Песня Шахазиза «Честный друг», которая в одно время была песней всего нашего народа, написана в подражание песне Добролюбова «Милый друг, я умираю»²⁰.

В связи с 40-летием со дня смерти Добролюбова с обширной статьей выступил и много писавший о русской литературе критик Ованес Шахназарян. В этой статье он анализирует развитие русской общественной мысли в XIX веке, общественно-политическую борьбу и ее перспективы. Обозревая деятельность русских шестидесятников и отмечая их историческую роль и значение, Шахназарян писал: «Некрасов, Чернышевский и Добролюбов принадлежат к числу тех писателей, которые были воспитаны на взглядах Белинского последнего периода: они свято чтити и хранили заветы первого критика. Литература имела с их точки зрения одну-единственную цель — служить общественным интересам. Пробуждать читателя от сна безразличия, уберечь его от ведущего ко злу и безнравственности пути, вдохнуть в него стремление действовать честно и неподкупно, — вот первейшее и почти единственное призвание писателя»²¹.

В этой статье Шахназарян ставил перед собою задачу прежде всего ознакомить армянского читателя с жизнью и творчеством Добролюбова. Шахназарян говорит о Добролюбове с таким воодушевлением, что его статья вызывает глубокий интерес и искреннюю любовь к замечательному публицисту. Создавая запоминающийся поэтический портрет Добролюбова, Шахназарян следующим образом рисует его появление на литературно-общественной арене: «Лихорадочное смятение царило в мире, — пишет он, — лишённые ласкающего света людские сердца очерствели. Повсюду раздавались человеческие вопли, стенания, выражалась неудовлетворенность... Но вот на горизонте появилась сияющая звезда; люди встали на ноги, осмотрелись кругом и начали знакомиться друг с другом. Правда, очень короток был путь этой звезды. Появилась; блеснула — и почти тотчас же исчезла. Однако люди долгие-долгие годы будут помнить ее, и вряд ли когда-либо исчезнет из их сердец впечатление от ее сиявших

²⁰ «Мшак», 1903, № 258.

²¹ «Нор-Дар», 1902, № 22

лучей, заставлявших очнуться от дремоты и открыть глаза. Пройдут многие, многие годы, и внуки с искренней признательностью передадут своим детям «историю» этой удивительной звезды, поведенную их отцами...»²²

Шахназарян обращает внимание читателя на статьи Добролюбова «Когда же придет настоящий день» и «Власть тьмы», цитирует их, отмечая значение этих статей в истории развития русской литературно-общественной жизни.

В заключение, оценивая историческое значение литературного наследия Добролюбова, Шахназарян писал: «На произведениях Добролюбова еще многие и многие годы будут воспитываться молодые поколения, по ним будут учиться уважать человеческую честь, достоинство, сокровенное право человеческого «я» — свободно мыслить, свободно высказываться, свободно жить, и, наконец, право свободно трудиться... И, вместе с этими произведениями, будет жить и имя их автора — критика-публициста, который на протяжении всей своей благородной деятельности «...делал благое дело среди царствующего зла»²³.

Страницы армянской печати полны выдержек из статей Добролюбова. Армянская прогрессивная литературная критика обращалась к произведениям Добролюбова каждый раз, когда она испытывала потребность подчеркнуть общественную роль литературы, показать ее значение и роль в воспитании народа.

Подлинными ценителями роли и значения произведений великих революционных демократов—Чернышевского и Добролюбова—были марксисты. Глубокую, разностороннюю и исчерпывающую оценку деятельности блестящей плеяды революционных демократов 60-х годов впервые дал В. И. Ленин. Особо подчеркивал он роль Чернышевского и Добролюбова в революционном движении и развитии общественной мысли. В одной из своих статей, говоря о безграничной ненависти Добролюбова к царизму, грубому и тупому произволу чиновничества, ужасающему общественному неравенству, Ленин отмечал, что всей образованной и мыслящей России дорог Добролюбов, как человек, «страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних ту-рок» -- против самодержавного правительства»²⁴.

Продолжателями благородных традиций русских революционных демократов в армянской действительности были Степан Шаумян, Сурен Спандарян, Александр Мясникян и их товарищи.

Степан Шаумян в 1902 г. в известной речи по поводу празднования 40-летия литературной деятельности Газароса Агаяна дал блестящую оценку деятельности революционных демократов. Изобличая лжепатриотизм и мнимое «свободомыслие» армянской буржуазной интеллигенции, Шаумян вспоминал о Чернышевском и Добролюбове, как о подлинных патриотах.

²² «Нор-Дар», 1902, № 22.

²³ Там же.

²⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, 1946, стр. 296.

Русские революционные демократы, утверждал Шаумян, «...писали в легальных газетах и журналах отнюдь не ради того, чтобы лишь заполнить страницы этих изданий и иметь возможность говорить, что у русских есть свои газеты, журналы, литература и т. д. Легальный «Современник» в их руках, особенно при Добролюбове и Чернышевском, был более смелым и радикальным, чем издаваемый в Лондоне Герценом революционный «Колокол». Русские свободомыслящие деятели прибегали к легальным газетам и журналам, чтобы иметь возможность при их помощи общаться с более широким кругом читателей, передавать им убеждения и истины, освященные многими годами страданий и труда. Они писали не то, что им разрешили бы напечатать, а то, что диктовалось внутренней потребностью писать, то, о чем не могли не писать»²⁵.

В своей революционной борьбе Шаумян неоднократно использовал меткие и образные выражения Добролюбова. Анализируя в одной из своих статей 1904 года политическую борьбу армянской общественной жизни, Шаумян с удовлетворением отмечал ослабление реакционных партий и усиление влияния социал-демократии: «Социал-демократия своею смелой пропагандой,— писал С. Шаумян,— «светлым лучом» проникнет в это «темное царство» армянской провинции, научит людей политически мыслить и политически действовать, организует под своим знаменем пролетарские и полупролетарские массы и в решительную минуту поведет их на штурм самодержавия в братском единении... с русским народом»²⁶.

С восхищением отзывались о русских шестидесятниках Сурен Спандарян, Александр Мясникян, Асканаз Мравян и другие крупные деятели старой большевистской гвардии.

Целую серию статей посвятил русским революционным демократам А. Каринян, бывший всегда активным пропагандистом их идей в армянской действительности. Армянская печать уделила особенно пристальное внимание Добролюбову в 1911 году в связи с 50-летием со дня смерти. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции царское правительство, широко используя цензорско-полицейский аппарат, преследовало и уничтожало произведения революционных демократов, особенно опасаясь их распространения среди угнетенных народов.

Произведения Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина стали достоянием широких масс населения Армении лишь после установления Советской власти.

В Советской Армении, кроме опубликованных в прессе статей и стихотворений Добролюбова на армянском языке, отдельной книгой был издан объемистый сборник «Критические статьи». В этом сборнике были представлены статьи о Салтыкове-Щедрине, Гончарове, Островском, Тургеневе и Достоевском. Знаменательным событием явилась

²⁵ *Սոց. Ե ա հ ու լ լ յ ա ն, Գրախոնորքի մասին* (Ст. Шаумян, О литературе), Ереван, 1948, стр. 18.

²⁶ Ст. Шаумян, Избранные произведения, т. I, М., 1957, стр. 22.

публикация на армянском языке двухтомника «Избранных философских сочинений» Добролюбова.

Итак, почти все важнейшие сочинения Добролюбова изданы на армянском языке. Это, несомненно, одно из наиболее значительных достижений в истории нашей переводной литературы.

Армянская советская критика посвятила жизни и литературной деятельности Добролюбова ряд ценных работ, широко популяризируя произведения Добролюбова и утверждая созданные русскими революционными демократами традиции.

Добролюбов всю свою жизнь посвятил народу, ведя труднейшую борьбу за освобождение родины. Великий патриот и революционер, он был полон безграничной веры в грядущее России и пророчески предвидел историческую роль русского народа в деле освобождения человечества. В одном из стихотворений он с удивительной прозорливостью выразил свои упования относительно великой и лучезарной будущности России:

Она пойдет!.. Она восстанет,
Святым сознанием полна,
И целый мир тревожно взглянет
На вольной славы знамена.

С каким восторгом и волнением
Твои полки увижу я!
О Русь! с каким благоговеньем
Народы взглянут на тебя,

Когда, сорвав свои оковы,
Уж не ребенком иль рабом,
А вольным мужем жизни новой
Предстанешь ты пред их судом.

Тогда республикою стройной,
В величье благородных чувств,
Могучий, славный и спокойный,
В красе познаний и искусств,

Глазам Европы изумленной
Предстанет русский исполин,
И на Руси освобожденной
Явится русский гражданин.

И в царстве знаний и свободы
Любовь и правда процветут,
И просвещенные народы
Нам братски руку подадут²⁷.

²⁷ Н. А. Добролюбов, Стихотворения, 1948, стр. 23—24

Когда, зачарованный светлым образом Добролюбова, думаешь о том, — какими словами оценить его величайшую заслугу перед родным народом, перед всем человечеством, — снова вспоминаются незабываемые слова Чернышевского: «О, как он любил тебя, народ! До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем хотел он тебя видеть, — ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих»²⁸.

---

²⁸ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. 7, М., 1950, стр. 852.